

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЕРЕВОДОВ В.А. ЖУКОВСКОГО

Черемисина Харрер И.А., Гирфанова К.А.

ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск, Россия (634050, Томск, пр. Ленина, 30), e-mail: gwhcher@mail.ru

В статье рассматривается лингвостилистическое и жанрово-поэтическое своеобразие баллады Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» в переводе В.А. Жуковского. Сравнительно-типологическое сопоставление оригинального текста, представленного в виде подстрочного перевода, и текста баллады Жуковского позволяет выявить специфику переводческих принципов Жуковского-поэта и рассмотреть балладу Жуковского как целостную художественную систему, существенно отличающуюся от художественной системы баллады Шиллера на немецком языке. Сознательным художественно-поэтическим принципом Жуковского становится переосмысление готовых сюжетных ходов и образов в иной эмоционально-стилистической и психологической тональности, и, как результат, создается новая система образности в рамках заданной формальной организации баллады. В своем вольном художественном переводе Жуковский придерживается принципа эквиритмичности и эквilinearности, сохраняя ритмико-интонационный рисунок баллады. В переводе Жуковского эпичность баллады существенно дополнена психологизмом и драматизмом действия и авторского присутствия. Таким образом, перевод Жуковского является вольным переложением сюжетной канвы шиллеровской баллады со смещением эмоционально-стилистических и смысловых акцентов. При этом в стилистическом плане повествование в балладе Жуковского становится ярко эмоциональным и психологически насыщенным благодаря введению эмоционально-оценочных эпитетов, содержащих разнообразные коннотаты. По замыслу Жуковского главный герой баллады Ивик постоянно ощущает некую незримую связь с небесами, откуда в финале баллады и посылается своеобразный мистический знак торжества справедливости в образе журавлиной стаи. Решая вечные проблемы человеческого бытия, Жуковский создает новую эстетику жанра баллады, в котором стилистическую целостность обретают новые идеи, чувства и мироощущения, которые в своей совокупности свидетельствуют о появлении оригинального поэтического произведения по мотивам баллады Шиллера.

Ключевые слова: баллада Ф. Шиллера «Ивиковы журавли», В.А. Жуковский, художественный перевод, лингвопоэтическое своеобразие, эстетическая целостность.

LINGUO-POETIC PECULIARITIES OF V.A. ZHUKOVSKY'S TRANSLATIONS

Cheremisina Harrer I.A., Girfanova K.A.

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Lenin Street, 30), e-mail: gwhcher@mail.ru

The article gives an overview of lingual stylistic and poetic peculiarities of F. Schiller's ballad 'The Cranes of Ibycus' in V.A. Zhukovsky's translation. Comparative typological analysis of the original text represented in the form of a word-for-word translation and the text of Zhukovsky's ballad allows identifying specific features of translator's principles referring Zhukovsky-poet and present Schiller's ballad as a harmonious artistic system differing from the artistic system of the authentic text in the German language. Zhukovsky deliberately re-evaluates ready-made plot lines and images in a different emotional, stylistic and psychological mode, and as a result creates a new system of imagery within a set formal structure of the ballad. In his poetic interpretation Zhukovsky follows the system of equal rhythmic and equal linear principles, thus functionally rendering the rhythm and intonation pattern of the ballad. The epic component, being the centre of the authentic text is complemented by the psychological and dramatic elements of action and author's presence. So Zhukovsky's translation becomes a free interpretation of plot lines characteristic of Schiller's ballad with a new focus of emotional, stylistic and semantic aspects. On the other hand, Zhukovsky's narration is clearly more emotional and psychologically rich due to the emotional evaluative epithets with a wide range of connotative components. According to Zhukovsky's view, the main character named Ibycus has a certain connection with the firmament, from which a mystic sign is sent in the final part of the ballad, namely the sign demonstrating the victory of justice in the form of cranes' flock. Solving eternal problems of the human life, Zhukovsky creates a new esthetic system relating to the genre of a ballad, whose stylistic unity is composed of new ideas, feelings and worldviews, which as a unity is absolutely different from such a unity in Schiller's ballad world. To sum up, Zhukovsky creates a new poetic work based on the motives from Schiller's ballad.

Keywords: F. Schiller's ballad 'The Cranes of Ibycus', V.A. Zhukovsky, poetic translation, linguistic poetic features, esthetic unity.

Введение

Характеризуя специфику переводов В.А. Жуковского, необходимо напомнить известное высказывание самого поэта: «Переводчик в прозе – раб, переводчик в стихах – соперник». Данная формула абсолютно точно выражает отношение Жуковского к переводу поэзии. Определяющим мотивом при выборе произведения для перевода была эстетическая близость данного произведения идейным и художественным приоритетам и исканиям поэта-переводчика. Поэтому он довольно часто отдает предпочтение вольному переводу и выбирает поэтическое соперничество, а не буквальное воспроизведение текста подлинника.

Примечательно, что Жуковский почти всегда воссоздает формальную структуру произведения, а именно ритмический рисунок, чередование рифм и по возможности стихотворный размер. В то время как сюжетный план и система образов переводимого произведения нередко существенно изменяются в процессе перевода.

Само определение поэтических переводов Жуковского из немецкой поэзии (Шиллер, Гете и др.) как «точных» переводов представляется некорректным, поскольку передавая образное, сюжетное и идейно-стилистическое содержание подлинника, Жуковский сознательно вводит художественные новации [4].

Сам Жуковский весьма определенно высказывался относительно своих переводческих принципов. Так, переводчик поэтических произведений сам должен быть поэтом и иметь «основательное понятие о рифмах богатых и бедных, о цезуре, о грамматике, о том языке, с которого переводишь, и еще о том, на который переводишь» [2]. Переводчик всегда интерпретатор, а не слепой подражатель готового произведения. Для того чтобы интерпретировать самобытного автора, переводчик должен обладать поэтическим даром, позволяющим передавать эстетическое своеобразие переводимого произведения адекватными стилистическими средствами переводящего языка.

Цель исследования

Целью исследования является лингвостилистический и лингвопоэтический анализ перевода баллады Ф. Шиллера «Ивиковы журавли», выполненный В.А. Жуковским и представляющий собой оригинальное произведение, которое отличает лингвостилистическое, сюжетное и эстетическое своеобразие.

Материал и методы исследования

В качестве материала для исследования использован перевод баллады Ф. Шиллера «Ивиковы журавли», выполненный Жуковским, в сопоставлении с подстрочным переводом баллады Шиллера, который составлен авторами статьи. Для анализа использовались общенаучные и лингвистические методы: сравнительно-типологический, функциональный, описательный, интерпретационный, лингвостилистический и лингвопоэтический.

Результаты исследования

1. Баллада Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» была переведена Жуковским в 1813 году и относится к числу вольных переводов Жуковского. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением Е.Г. Эткинда, который отмечает, что «перевод Жуковского всегда расходится с подлинником в целом, а не просто в отдельных частностях; он является художественной системой, и вся эта система как таковая не совпадает с художественной системой оригинала» [5].

Иными словами, переводя из немецкой или английской поэзии, Жуковский заимствует сюжетные схемы, мотивы, системы образов, которые были ему эстетически близки и отвечали его актуальным потребностям художника в то время [1, 3]. Вместе с тем сознательным принципом Жуковского-переводчика становится переосмысление готовых сюжетных ходов и образов в иной эмоционально-стилистической и психологической тональности, что неизбежно приводит к созданию новой системы образности в рамках заданной формальной организации баллады. Поэтому, сопоставляя шиллеровскую балладу и ее перевод, мы выделим важные, на наш взгляд, стилистические и эстетические переосмысления тематической и образной структуры оригинального текста.

2. Другим семантически значимым переводческим принципом Жуковского было сохранение ритмического и интонационного рисунка переводимой баллады, говоря языком теории перевода, принцип эквиритмичности и эквилинеарности почти всегда четко выдержаны в переводах Жуковского.

Баллада Шиллера «Ивиковы журавли» написана четырехстопным ямбом, случаи пиррихий очень редки, а если появляются, то чаще всего в середине строки и преимущественно в пределах третьей стопы. Таким образом, первая, вторая и четвертая стопы отличаются четким ритмическим рисунком, равномерным чередованием безударного и ударного слогов. Перевод Жуковского выполнен четырехстопным ямбом, существенно разбавленным пиррихиями, в большинстве случаев в середине строки в пределах второй и третьей стопы. Следовательно, интонационные узлы ритмического рисунка оригинала, т.е. его ямбическая доминанта первой и четвертой стопы сохраняется в переводном тексте Жуковского.

В строфическом плане баллада Шиллера представляет собой восьмистишную строфу, состоящую из двух четверостиший, в рифменном плане – парные женские и мужские рифмы в первом четверостишии и перекрестные женские и мужские рифмы во втором четверостишии. Подобную систему рифм можно интерпретировать как своеобразную риторическую фигуру, состоящую из тезы (парная женская рифма), антитезы (парная мужская рифма) и синтеза (перекрестная женская и мужская рифмы). В переводе

Жуковского полностью воспроизведена строфическая и рифменная структура шиллеровской баллады.

3. Баллада Шиллера представляет собой эпическое полотно, отдельные факты и события которого представлены конкретно и прозаично, используемая лексика стилистически нейтральна. В переводе Жуковского преобладают слова с семантикой «рока» и характерные для его поэтического стиля элегизмы и слова-символы («прекрасный», «тихий», «страшный», «ужасный», «священный», «тайный», «земной»). Кроме того, настойчиво звучит мотив предопределенности судьбы, свидетелем и хранителем которой являются небеса. Рассмотрим несколько примеров из самого начала баллады. Здесь и далее в тексте в левом столбце приводится художественный перевод Жуковского, в правом столбце – подстрочный перевод баллады Шиллера, выполненный авторами статьи.

Жуковский

На Посидонов пир веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зреть бег коней и бой певцов,
Шел Ивик, скромный друг богов.

Шиллер

На состязание отваги и пения,
Которое на коринфском перешейке
Объединяет веселые греческие племена,
Направлялся Ивик, друг богов.

(строфа 1)

Все тихо: лист не колыхнется;
Лишь журавлей по вышине
Шумящая станица вьется
В страны полуденны к весне.

Ничто не колышется вокруг него,
Только в вышине стая журавлей,
К южному теплу тянется, образуя
Серый клин.

(строфа 2)

Пластичности, изобразительности оригинального произведения Шиллера Жуковский противопоставляет музыкальность и напевность переводного текста. Мягкий, нежный, баюкающий сонорный согласный [л] ассоциируется с легким, беззаботным пением птиц, с судьбой которых Ивик уподобляет свою судьбу. Начатая в первой строфе, тема пения продолжается затем во второй, где находим повторяющиеся звуко сочетания [ли].

На Посидонов пир веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зреть бег коней и бой певцов,
Шел Ивик, скромный друг богов.
Ему с крылатою мечтою
Послал дар песней Аполлон:
И с лирой, с легкою клюкою,
Шел, вдохновенный, к Истму он.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринф и горы,
Слиянны с синевою небес.
Он входит в Посидонов лес...
Все тихо: лист не колыхнется;
Лишь журавлей по вышине
Шумящая станица вьется
В страны полуденны к весне.

(строфа 1)

(строфа 2)

Тишина и безмятежное спокойствие, которые царят в природе в это время года, постепенно дополняются тревожными раскатистыми звукосочетаниями [ро/ра] и [ры/ри], которые предвещают недобрые события в ближайшее время.

«О спутники, ваш <u>рой</u> <u>крылатый</u> ,	И с твердой верою в Зевеса
Досель мне верный <u>провожатый</u> ,	Он в глубину вступает леса;
Будь добрым знамением мне.	Идет заглохшею <u>тропой</u> ...
Сказав: <u>прости!</u> <u>родной стране</u> ,	И зрит убийц перед собой.
Чужого берега посетитель,	Готов <u>сразиться</u> он с <u>врагами</u> ;
Ищу приюта, как и вы;	Но час судьбы его приспел:
Да отвратит Зевес-хранитель	Знакомый с лирными струнами,
Беду от <u>странничьей главы</u> ».	Напрячь он лука не умел.

(строфа 3)

(строфа 4)

По меткому определению Е.Г. Эткинда, «эпитет – центр стилистической системы Жуковского» [5]. Стилистически нейтральному повествованию Шиллера Жуковский противопоставляет яркую эмоциональность и психологизм драматического действия, благодаря введению эмоционально-оценочных эпитетов, содержащих разнообразные коннотаты. Например, нагнетание эмоционально-экспрессивных эпитетов, несущих недобрые, зловещие коннотаты, предвещают трагические события.

Жуковский

Шиллер

Идет *заглохшею* тропой...

Там на узком мостике двое убийц

И зрит убийц перед собой.

Внезапно преграждают ему путь.

(строфа 4)

В *ужасном* лесе жизни нет

Как далеко его голос раздается.

(строфа 5)

Их *жалобно-стелющийся* глас.

Приближающиеся голоса страшно курлычут.

(строфа 6)

Вкрапление в повествовательную ткань баллады эмоционально-выразительной лексики вводит элемент неожиданности и придает тексту прерывистость и динамичность.

Жуковский

И он боролся *уж* с кончиной...

Вдруг ... шум от стаи журавлиной;

<...>

Да грянет, привлеченный вами,

Зевесов гром на их главу.

Шиллер

И грузно вниз он повалился.

Там шелестит журавлиное крыло;

<...>

С моим смертным плачем поднимайтесь!

Он кричит, и глаза его закрываются.

(строфа 6)

И ты *ль* недвижим предо мною,

И должен таким тебя найти я.

(строфа 7)

И с *диким* ревом исступленья.

И, нападая, напирает на Пританов.

(строфа 8)

4. Благодаря введению Жуковским эмоционально-оценочных эпитетов с положительными коннотатами, существенно изменяется психологическая характеристика образа древнегреческого поэта Ивика, ставшего невинной жертвой страшного преступления. По своей сути злодеяние является дерзким вызовом богам, которые в это время года покровительствуют состязаниям певцов и конным бегам и запрещают всяческие распри, войны и преступления.

Жуковский

Шел Ивик, *скромный* друг богов.

Шиллер

Направлялся Ивик, друг богов

(строфа 1)

И так погибну *в цвете лет* <...>

Так должен здесь остаться умирать я

(строфа 5)

Рукой убийцы искаженны

Узнает Коринфский друг

Черты *прекрасного* лица.

Черты, которые ему дороги.

(строфа 7)

Наш *добрый* Ивик!

Ивика! – дорогое имя.

(строфа 21)

Ивик, по определению Жуковского, «скромный друг богов», «наперник Аполлона», постоянно ощущает незримую связь с небесами. Особенно отчетливо это проявляется в

трудные, решающие моменты его жизни, когда он обращается к богам за помощью и поддержкой, и у них молит о возмездии. Пролетающие в небе журавли, будучи невольными свидетелями преступления, приходят как некий дар небес и мистический знак торжества справедливости.

Жуковский

К богам и к людям он взывает...

<...>

И не оплакан от друзей;

И сим врагам не будет мщенья,

Ни от богов, ни от людей.

Шиллер

Он взывает к людям, к богам

<...>

Никем не оплаканный,

Сгнию на чужой земле,

И даже мститель мой не явится.

(строфа 5)

«Вы, журавли под небесами,

Я вас в свидетели зову!

Да грянет, привлеченный вами,

Зевесов гром на их главу».

«Вы, журавли, там в вышине,

Если не расскажет никто,

Поднимайтесь с моим смертным плачем!

Он кричит, и глаза его закрываются».

(строфа 6)

Так, возмездие за совершенное преступление является у Жуковского волей небес, божьим провидением. Не случайно это божье провидение присутствует в балладе в лице не одного божества, а целого пантеона, как будто все художественное пространство баллады «накрыто» небесами.

Выводы

Таким образом, перевод баллады Шиллера «Ивиковы журавли» является несомненным поэтическим шедевром Жуковского, который в известной степени можно считать оригинальным произведением русского гения, открывшего русской литературе XIX века новые эстетические и жанровые возможности. Решая вечные проблемы человеческого бытия, Жуковский создает новый «эстетически целостный» мир баллад, «новый мир идей и чувств», «новый характер мироощущения» [6].

Лирическое начало, внутренне свойственное поэзии Жуковского, отчетливо ощутимо в его балладном творчестве. Так, в балладе «Ивиковы журавли» звучание авторского голоса в описании событий и характеристике действующих лиц усиливает стилистическое и

морально-этическое переосмысление античной темы, имеющей общечеловеческий смысл и значение.

Список литературы

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Гл. ред. А.С. Янушкевич. — Т. 3. Баллады / Сост. и ред. Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жилякова. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 456 с.
2. Жуковский В.А. «Радамист и Зенобия», трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Кребилльона. Пер. с фр. С. Висковатова // Перевод – средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика / Сост. А.А. Клышко; Предисл. С.К. Апта. – М.: Прогресс, 1987. – 56 с.
3. Иезуитова Р.В. Жуковский и его время. – Л.: Наука, 1989. – 290 с.
4. Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. – М.: Худож. лит., 1975. – 255 с.
5. Эткин Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. – Л.: Наука, 1973. – 250 с.
6. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 285 с.

Рецензенты:

Романов А.А., д.фил.н., профессор, профессор-консультант, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск;

Кобенко Ю.В., д.фил.н., доцент, кафедра иностранных языков Энергетического института Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.